

Жан НОЛИ

Победа Робера Оссейна

По доброй воле известный киноактер Робер Оссейн отказался от карьеры «кинозвезды», чтобы обрести себя и свое истинное призвание в ничем не примечательном провинциальном театре.

«ПАРИ-МАТЧ», ПАРИЖ.

Каждый вечер полный зал, толпа «безбилетников» на улице, сборы, превышающие расходы, — это, к сожалению, редкое сейчас для парижских театров явление происходило не так давно в «Театр де Пари», когда там шла постановка Робера Оссейна по роману Федора Достоевского «Преступление и наказание». Создать успешный спектакль в Париже да еще в период повсеместного кризиса, в том числе и в театре, — это большая победа, тем более для человека, мечтавшего стать большим актером, но неожиданно блеснувшего ярким режиссерским талантом.

Все для Робера Оссейна началось четыре года назад. Он, кого считали «баловнем» кино (вспомните оглушительный коммерческий успех серии фильмов об Анжелике), вдруг отказался от настоящих и будущих лавров ради кризисного мира театра. Причем в отличие от других «кинозвезд», искавших успех на парижской сцене, Робер Оссейн добровольно уехал в провинцию. В июле 1971 года он возглавил Народный театр Реймса. Почему?

— Если в начале пути у тебя нет ничего, — объясняет Робер Оссейн, — упорно борешься за приобретение тех привилегий, которые, как думаешь, обеспечат тебе желанную свободу. А когда такая свобода завоевана, понимаешь, что жизнь превращается в приумножение удобств. Личное благо не принесло мне сознания чистой совести.

Кто же он, столь странный для нашего алчущего мира человек, отринувший блага ради тревог? Мать — актриса из русских эмигрантов, отец — композитор. иранец.

— Мое детство проходило в бедности, — рассказывает Робер Оссейн, — но не в печали, ибо у меня был замечательный отец. Он бывал неизменно весел, упорно сочинял музыку, несмотря на неудачи. Мне было 10 лет, когда однажды отец получил в подарок скрипку из шоколада. До сих пор помню его слова: «Впервые моя музыка

кормит своего создателя». Я обожал его, однако не хотел следовать его примеру. Отец боролся скорее со своим искусством, чем с жизненными обстоятельствами, я же решил бороться с людьми, которые определяют эти обстоятельства. Но странно, если горести объединяли нас, то мой успех в кино внес разлад в семью...

Итак, Робер Оссейн пробился к успеху, был богат и знаменит. Что же произошло? Он неожиданно обнаружил, что и в руках и в сердце — пустота. Ему открылась бесцельность, суетность его жизни, и это открытие потрясло. Тогда он и уехал в Реймс, где при поддержке энергичного мэра получил четырехлетний контракт и даже субсидию на возрождение местного Народного театра. Тогда же он решил не замыкаться в собственном мирке, а посвятить себя другим. Так родилась труппа Робера Оссейна. Начинающему режиссеру (а он уже перевалил через сорокалетний рубеж) пришлось взять на себя обязанности организатора и администратора, научиться быть ровным и спокойным на репетициях, сводить концы с концами в рамках скудного бюджета.

Он ставит «Эрнани» Виктора Гюго — успех, небывалый для провинциального театра, «Преступление и наказание» Федора Достоевского, затем «На дне» Максима Горького. О Народном театре Реймса заговорила центральная пресса. В самом городе, во всем районе тяга к театру и культуре в целом необычайная. Актеры театра поверили в себя, раскрыли свой талант.

— Я признаю в себе сейчас только один талант, — с полным правом говорит теперь Робер Оссейн, — открывать талант в других.

Он живет в скромной квартире, по-прежнему руководит Народным театром. Робер Оссейн обрел то душевное спокойствие, которого не было раньше, в дни «приумножения удобств». Правда, он знает, что пройден лишь один этап, что предстоит пройти и другие. И в 47 лет ему могут открыться новые горизонты.

— Как говаривал мой отец, трудно жить лишь первые 50 лет, — заключает Робер Оссейн нашу беседу. Что ж, до «легкой» жизни ему осталось меньше трех лет.